

УДК 340.1

DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-26-32

Д. И. Луковская

доктор юридических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д.7-9

ORCID: 0000-0003-3340-1356. E-mail: lukovskai@yandex.ru

И. Б. Ломакина

доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор

Университет прокуратуры РФ (СПб юридический институт)

Российская Федерация, 191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., д. 44

ORCID: 0000-0002-9232-949X. E-mail: lomakina7311@gmail.com

Проблема определённости правопознания (в контексте эволюции юснатурализма)*

Аннотация: В статье рассматривается проблема определённости правопознания в контексте эволюции юснатурализма. Отмечается, что категория определённости по-разному понималась представителями различных научных школ и направлений теоретико-правовой мысли. Однако классические доктрины были в большей степени солидарны в том, что определённость необходима в качестве исходного принципа познания правовой действительности, в отличие от релятивистских постклассических теорий, взявших диаметрально противоположный принцип в качестве методологического основания, а именно «неопределённость». В статье актуализируется понимание того, что юснатурализм как классический тип правопонимания имеет внутреннюю логику развития. Отмечается, что современные теории «возрожденного естественного права», в целом оставаясь в рамках естественно-правовых представлений, всё же преодолевают дуализм и параллелизм систем естественного и позитивного права. В онтологии современный юснатурализм признает человеческую сконструированность права, участие субъекта в постоянном воспроизводстве правовой реальности; в гносеологии – признает включённость субъекта в процесс познания, отказ от абсолютизации «законодательного» разума и переход к интерпретативному «коммуникативному» разуму; в аксиологии – отстаивает социокультурную конкретизацию, в том числе и в действующей правовой системе. В статье актуализируется идея интересубъективности права как интегрирующая различные аспекты правопознания и действия права, ориентирующая на выявление смысла права не с точки зрения одномерной моносубъектности (индивида или гомогенного общества), а в диалогичной (полилогичной) интересубъектности – во взаимодействии субъектов правового общения. Признание динамизма права, актуализации права в правоприменительной деятельности проблематизирует идею определённости в правопознании, но уже на новой, человекоцентристской методологической и теоретической основе.

Ключевые слова: естественное право, определённость, неопределённость, классические теории, постмодернизм, позитивное право, человекомерность.

Для цитирования: Луковская Д. И., Ломакина И. Б. Проблема определённости правопознания (в контексте эволюции юснатурализма) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 26–32. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-26-32

Genevra I. Lukovskaya

Dr. Sci (Jurid.), Professor

Saint Petersburg State University

7-9, Universitetskaya nab., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-3340-1356. E-mail: lukovskai@yandex.ru

---

* Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-011-00528).

Irina B. Lomakina

Dr. Sci (Jurid.), Dr. Sci (Hist.), Professor

University of the Prosecutor's office of the Russian Federation (Saint Petersburg Law Institute)

44, Liteyny prosp., Saint Petersburg, 191104, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-9232-949X . E-mail: lomakina7311@gmail.com

The problem of certainty of legal cognition (in the context of the evolution of Nature Law)**

Annotation: The article deals with the problem of certainty of legal cognition in the context of the evolution of Natural Law. It is noted that the category of certainty was understood differently by representatives of various scientific schools and strands of theoretical framework idea. However, the classical doctrines were similar in the sense that certainty is necessary as the initial principle of cognition of legal reality, in contrast to the relativistic post-classical theories, which took the diametrically opposite principle as a methodological basis, namely «uncertainty». The article actualizes the understanding that Nature Law as a classical type of legal understanding has an internal logic of development. It is noted that modern theories of «Resurgence of Natural Law» generally remain within the framework of natural law concepts, but still overcome the dualism and parallelism of the systems of natural and positive law. In ontology, the modern Natural Law recognizes the human construction of law, the participation of the subject in the constant reproduction of legal reality; in epistemology, it recognizes the inclusion of the subject in the process of cognition, the rejection of the absolutization of the «legislative» mind and the transition to an interpretive «communicative» mind; in axiology, it defends socio – cultural concretization, including in the current legal system. The authors actualize the idea of intersubjectivity of law as integrating various aspects of legal cognition and the operation of law, focusing on identifying the meaning of law not from the point of view of one – dimensional monosubjectivity (individual or homogeneous society), but in dialogical (polylogical) intersubjectivity - in the interaction of subjects of legal communication. Recognition of the dynamism of law, the actualization of law in law enforcement activities problematizes the idea of certainty in law, but on a new, human-centered methodological and theoretical basis.

Keywords: natural law, certainty, uncertainty, classical theories, postmodernism, positive law, human dimension.

For citation: Lukovskaya G. I., Lomakina I. B. The problem of certainty of legal cognition (in the context of the evolution of Nature Law) // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87). – P. 26–32. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-26-32.

Проблема «определённости» и «неопределённости» знаний о познаваемой действительности, в том числе и в сфере права, решалась неоднозначно представителями различных научных школ и направлений. Несмотря на множество концепций и теорий, их можно с известной долей условности представить в виде двух эпистемологических традиций. Первую традицию представляют логически рассудочные, рациональные построения (Платон, Аристотель, стоики), в которых субъект и объект разделены, а знание выводится или «отражается» в зависимости от чётко очерченных границ познаваемого. Такое знание образует «идеал-конструкты», вписываемые в логически неправо-

творечивое целое, т. е. в теорию. Целостность, определённость, логическая связанность и непротиворечивость, выводимость содержания из исходного основания по строгим логико-методологическим правилам и принципам формировали определённую картину мира [5, с. 23].

Определённость присутствует во всём – и в социальной действительности, и в её осмыслении. Такую действительность можно моделировать, упрощать и, конечно же, прогнозировать (предсказывать) будущее. Аксиоматичность исходных начал предопределяла строгую логичность теоретических конструкций, в том числе и в сфере права. Так, классические типы правового понимания – юснатурализм, этатизм и социология права – выстраивали право в соответствии с исходными базовыми детерминантами его развития. Например, юснатурализм в качестве фундаментальной детерминанты выбрал идею

** The publication was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-011-00528).

свободы, которая через свободную волю субъекта (индивида) предопределяла субъективные права, лёгшие в основу так называемого естественного права, которое, в свою очередь, стало критерием «правильности» позитивного права. Противопоставление естественного права позитивному и моральная составляющая трансцендентных ценностей, имманентно присущих нормам естественного права, стали нарративом юснатурализма. Вневременной и внеконтекстуальный характер норм естественного права обусловили определённую степень неопределённости самого естественного права и знания о нём.

Юридический позитивизм (этатизм) в качестве исходного основания взял волю суверена, объективированную в норме права. Отсюда право – сначала приказ государя, а несколько позже функция государства, выраженная в официальных документах, санкционированных государством и обеспеченных силой государственного принуждения. Определённость самого права, выраженного в законодательных актах, исходящих от органов государственной власти и обеспеченных силой государственного принуждения, и знание о нём также признавалось определённым и не предполагало «платоновской складки», таящей неопределённость и случайность в её постижении.

Социология права как промежуточный тип правопонимания между юснатурализмом и позитивизмом предлагает различные, но всё же определённые исходные принципы и детерминанты изучаемого феномена, и здесь вариаций достаточно много (интерес, конфликт, классовая борьба, социетальность, социальный контроль и проч.). В зависимости от того, какое основание берётся в качестве исходного, выстраивается право, точнее, его модель как нормативной регулятивной системы, призванной решать социальные проблемы в правовой сфере общества. Отсюда вырисовывается облик права, определяется его функциональная природа и даётся понятие, содержащее, как правило, квинтэссенцию его сущностных черт. В таком варианте право тоже чётко определено границами, как и определён результат его познания.

Таким образом, все классические концепции в той или иной степени претендовали и претендуют на определённую степень достоверности полученных результатов, неопределённость и случайность не принимаются во внимание либо спекулятивно встраиваются в заранее заданные границы. В наибольшей степени «вирусу опре-

делённости» были подвержены в классическом исполнении юридический позитивизм и юснатурализм. Однако это не означает, что неопределённости в этих теориях нет. Конечно, неопределённость была, но по существу она сводилась к отсутствию информации об объекте. Поэтому говорить о вероятности наступления какого-либо события или явления, об их случайности можно лишь тогда, когда об этом в силу каких-то причин отсутствует знание. Чем больше знаний, тем меньше оснований считать вероятным, случайным появление того или иного события или явления. Таким образом, вероятность, случайность и неопределённость не существуют сами по себе, причина этого – именно неполнота знаний.

Вторая научная традиция – релятивистская (эмпирическая, скептическая). В отличие от рационально-рассудочной, релятивистская традиция исходит из априорной неопределённости знаний о действительности, и сама действительность предстаёт как череда случайных событий, не связанных между собой причинно-следственными связями. Истоки этой традиции усматриваются в античности, прежде всего в творчестве софистов. «Человек есть мера всех вещей...», – утверждал Протагор [3, с. 25], из этого утверждения следует, что основой познания может быть текучая чувственность, не отражающая объективных явлений. Релятивистами были и скептики. Обнаруживая неопределённость знаний, зависимость их от исторических условий процесса познания, скептицизм акцентировал внимание на недостоверности всякого знания вообще. В этой связи небезынтересны взгляды борца с догмой Секста Эмпирика. Он в высшей степени точно сформулировал проблему неопределённости знаний об исследуемой действительности. Предложив взамен определённости неопределённость, Секст, по сути, провозгласил отказ от всякой уверенности, истинности и выводимости знания¹. Среди сохранившихся работ Секста можно упомянуть трактат «Adversos Mathematicos» («Против математиков»), который иногда переводится «Против учёных». Античные скептики превозносили просвещённое невежество как первый шаг к честному познанию истины.

Против теоретического догматизма выступал и арабоязычный скептик XI века Аль-Газали

¹ Секст Эмпирик, Сочинения. – Т. 2. – Москва: Мысль, 1976. – С. 249.

(в латинской традиции Альгазель). Он написал трактат «Против учёных», и в нём он полемизирует со школой «фаласифа», прямой наследницей классической философии (берущей начало от Аристотеля), которую арабы смогли примирить с исламом при помощи рационалистической аргументации [10, с. 99]. Однако больше всех преуспел в скептицизме католический епископ, член Французской академии П. Юэ, написавший свой знаменитый труд «Философский трактат о слабости человеческого ума» в 1690 г. Юэ выдвигает весьма серьёзные аргументы против связи причин и следствий. В частности, он утверждает, что у каждого события может быть бесконечное число вероятных причин. Средневековые скептики, как христианские, так и мусульманские, использовали скептицизм в качестве инструмента для неприятия науки как «фабрики по производству знания». Индуктивное знание вызывало беспокойство и заставляло скептиков более вдумчиво подойти к религиозным аргументам, хотя и в очищенной от «клерикальной шелухи» теистической форме [10, с. 100]. Идея опоры на веру, а не на разум известна как фидеизм. Одним из таких мыслителей был П. Бейль, ранний представитель французского Просвещения. За неудобоваримые убеждения его сослали в Голландию, где он образовал философский кружок, близкий к Пирроновым скептикам. Труды П. Бейля оказали значительное влияние на Д. Юма. Во многом разделяя взгляды Д. Локка и Д. Беркли, а также П. Бейля, С. Кларка, Ф. Хатчесона и Д. Батлера, Д. Юм пошёл дальше своих предшественников (эмпириков) и проложил дорогу эпистемологическому плюрализму, который был предтечей «эпистемологического анархизма» (П. Фейерабенда).

Концепция П. Фейерабенда, сформулированная в его работе «Против метода» [7, с. 10], во многом напоминает трактат Секста Эмпирика «Против учёных». Понимание науки как способа или метода добычи эмпирического знания, но без претензий на абсолютную истину, уходит своими корнями именно в античный скептицизм, и в этом смысле П. Фейерабенд был неоригинален. Концепция К. Поппера, направленная на «раскупорку мозга» от платонизма, выглядит более оригинальной. Учёный сформулировал полномасштабную теорию, использующую технику «фальсификации» («фальсифицировать» – значит доказать неправильность), которая позволяет провести границу между наукой и ненаукой. Но самое значимое достижение Поппера – это его догадка о фундаментальной, суровой и

необоримой непредсказуемости мира и о том, что мы не можем провести некий «решающий эксперимент», подтверждающий истинность теории [10, с. 34]. Скептицизм, таким образом, соответствует научному методу неопределённости, которая проистекает из неопределённости самой действительности. Поэтому скептическая картина мира пластична и не имеет границ. Она неопределённа, поэтому ничто не выносится за скобки, все исследуемое не конечно, мир таков, каков он есть, любая модель мира лишь момент, статичная, усечённая копия, которая не отражает всей многомерности схваченной кадром реальности, которая была запечатлена когда-то фотографом (исследователем).

Современные постклассические типы правопонимания, а к ним можно отнести неопозитивизм, возрождённое (по сути, обновлённое) естественное право, постклассические социологические концепции (феноменолого-коммуникативная, диалогическая и др.) в качестве исходного уже не берут какое-то одно основание; не так категоричны они и в утверждениях об истинности знания. На примере естественно-правовой концепции рассмотрим в данном аспекте эволюцию базовых принципов правопонимания.

Современные теории «возрождённого естественного права» в целом остаются в рамках естественно-правовых представлений, но дуализм и параллелизм систем естественного и позитивного права в них отчасти преодолевается. Уже концепция естественного права с меняющимся содержанием Р. Штаммлера² продемонстрировала преодоление догматичности классического юснатурализма.

Постклассические теории естественного права предполагают в онтологии признание человеческой сконструированности права, участия субъекта в постоянном воспроизводстве правовой реальности; в гносеологии – признание включённости субъекта в процесс познания, отказ от абсолютизации «законодательного» разума и переход к интерпретативному «коммуникативному» разуму; в аксиологии – отстаивание социокультурной конкретизации, в том числе и в действующей правовой системе, универсальных ценностей, принципов и норм или принципиальный отказ от универсализма

² Козлихин И. Ю., Поляков А. В., Тимошина Е. В. История политических и правовых учений: учебник. – Санкт-Петербург: Изд. Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2007. – С. 365.

в праве (аксиологический релятивизм). Принцип интерсубъективности, интегрирующий различные аспекты правопознания и действия права, ориентирован на выявление смысла права не с точки зрения одномерной моносубъективности (индивида или гомогенного общества), а в диалогичной (полилогичной) интерсубъективности – во взаимодействии субъектов правового общения.

К числу обновлённых естественно-правовых теорий, избравших, по оценке некоторых интерпретаторов, своего рода «средний» путь между позитивизмом и юснатурализмом (непозитивизмом), обычно относят концепции Р. Дворкина, Р. Алекси, А. Кауфманна, Ю. Хабермаса. Сами же сторонники естественного права в его новом обличье убеждены в том, что как таковая естественно-правовая идея до сих пор не опровергнута [4, с. 155]. Тем не менее очевидно, что естественное право, как имманентное в этих концепциях позитивному праву, не является более параллельно с ним действующей и противостоящей ему нормативно-правовой системой, т. е. такого рода дуализм современному юснатурализму не свойствен. В постклассических теориях сохраняется идея ценностного приоритета естественного права по отношению к позитивному праву, а значит, и соответствующая всей традиции юснатурализма критическая функция естественного права. В таком ракурсе естественное право сигнализирует о дефектности правовой системы (чаще – отдельных правовых норм) – моральной дефектности, которая, как разъясняет, например, свою позицию Р. Алекси, трансформируется в её юридическую дефектность [1, с. 428].

В дискурсивных теориях естественного права (Ю. Хабермас, Р. Алекси) особое значение приобретают права человека, которые и представляют собой «новое естественное право», выступающее моральным требованием к позитивному правопорядку. Права человека признаются критерием его оценки [2, с. 24]. Из этого следует, что дуализм классических теорий как будто и не опровергнут и даже не переосмыслен. Однако такой вывод был бы поспешным, так как предполагается интегрирование (позитивирование) прав человека в правовую систему, уже отвечающую критерию справедливости (обладающую «претензией на правильность»). Для Р. Алекси само существование прав человека обусловлено исключительно их обоснованностью – обоснованием каждым и всеми в ходе и

в результате рационального дискурса, который осуществляется по определённым правилам, на началах свободы и равенства всех, кто выражает желание принять в нём участие [2, с. 24]. Так что права всё же не привносятся извне, а имеют «человеческое», коммуникативно-процедурное происхождение. Ю. Хабермас также полагал, что принципы естественного права нельзя закреплять раз и навсегда средствами морали [11, с. 182] или легитимировать каким-либо философским авторитетом. Тем самым социальные (и, следовательно, правовые) нормы притязают не на истину, а на социальную значимость, т. е., по Хабермасу, на принятие или признание их универсальной аудиторией. При этом «универсальность аудитории» является лишь потенциальной, так как предполагается, что любой желающий может – но не обязан – принять участие в обсуждении (делиберации) и формировании нормы. «Каждая действенная норма должна удовлетворять тому условию, что прямые и побочные действия, которые общее следование ей возымеет для удовлетворения интересов каждого отдельного индивида, могут быть без какого бы принуждения приняты всеми, до кого она имеет касательство» [11, с. 179].

Концепция Ю. Хабермаса в социально-философском плане основывается на дискурсивной рациональности, формирующейся в «идеальной речевой ситуации» – в практике «идеального коммуникативного сообщества», способствующей достижению компромисса в ходе обсуждения любой социальной проблемы. Условием, обеспечивающим признание нормы, претендующей на значимость, по мнению Ю. Хабермаса, является принцип универсализации: «идеальная языковая ситуация» обеспечивает одобрение нормы со стороны всех затрагиваемых ею лиц. К условиям процесса коммуникации он причисляет иммунитет против подавления и неравенства, симметричность коммуникации, руководство одним мотивом – мотивом совместного поиска истины и, наконец, допущение идеального «неограниченного коммуникативного сообщества». При этом Ю. Хабермас приводит правила дискурса, сформулированные Р. Алекси: 1) ни один говорящий не должен противоречить себе; 2) каждый говорящий, применяющий предикат F к предмету A, должен быть готов применить предикат F к любому другому предмету, который во всех релевантных отношениях равен A; 3) разные говорящие не должны использовать

одно и то же выражение, придавая ему различные значения; 4) каждый говорящий может говорить только то, во что он сам верит; 5) тот, кто прибегает к высказыванию или норме, не относящимся к предмету дискуссии, должен привести основание для этого; 6) каждый владеющий языком и дееспособный субъект может принять участие в дискурсе; 7) каждый может ставить под вопрос любое утверждение; 8) каждый может вводить в дискурс любое утверждение; 9) каждый может выражать свои установки, желания и потребности; 10) никакое принуждение, господствующее вне или внутри дискурса, не должно мешать никому из говорящих реализовать свои права, определённые в пунктах 6 и 7 [11, с. 137–140].

Таким образом, сама процедура рационального дискурса предполагает нормативную значимость классических естественно-правовых принципов свободы и равенства его участников как оснований прав человека [11, с. 137–140]. По логике классической естественно-правовой доктрины дискурсивно-рациональной необходимостью, т. е. жёсткой императивностью, морального обоснования прав человека определяется их приоритетное долженствование (в «дуальной» взаимосвязи с позитивностью права) в онтологической структуре правопорядка. Более того, нормативные аргументы, устанавливающие, согласно формуле Радбруха (которой следует Р. Алекси), порог крайней несправедливости (вопиющее нарушение прав человека), позволяют, по Алекси, утверждать, что эта формула не говорит, что «крайняя несправедливость не должна быть правом», а что «крайняя несправедливость не является правом» [1, с. 428].

Онтологический императив естественного права реализуется далеко не сразу. Согласование должного и бытия происходит в процессе становления права: от основной нормы (естественного закона, принципа справедливости) к позитивному закону и, наконец, завершается в решении в конкретной ситуации – в судебном решении (а также в деятельности прокуроров, адвокатов, исполнительной власти) [4, с. 173–174]. Если в классических теориях естественного права закон «возникает из права», то в новейших его версиях «из закона возникает право» [4, с. 173–174; 7, с. 187].

Заметим, что хотя акцент в этих его версиях делается не на законотворчестве, а на действии и применении позитивного законодательства, но при этом сохраняется само различие

права и закона, характерное для всей традиции юснатурализма.

В современной философии права поискам баланса между принципом равной свободы и принципами социальной справедливости («принципом различий») посвящена теория справедливости как честности Дж. Ролза [9, с. 15], получившая широкую известность и вызвавшая критику, прежде всего у сторонников классических либеральных ценностей (особое внимание привлекла полемика с Дж. Ролзом Р. Нозика). Теория Дж. Ролза сформировалась в рамках постклассической методологии интерсубъективности и процедурной дискурсивности. Вместе с тем она построена на началах классического контрактуализма [9, с. 15]: за «завесом неведения», т. е. будучи беспристрастными, участники гипотетического общественного договора выберут, как убежден Дж. Ролз, принцип равной свободы (он приоритетен, по Ролзу) и принцип социальной справедливости.

С позиций современного юснатурализма в связи с конструированием социальных прав происходит постепенное «смыслоразвертывание» базисных прав. Классические базисные права, развивает эту свою мысль Ю. Хабермас, ссылаясь на Дж. Ролза, лишь тогда получают «равную ценность» (Дж. Ролз) для всех граждан, когда восполняются социальными и культурными правами [12, с. 69]. Современные учения о естественном праве демонстрируют преемственную инновационность методологического, теоретического обоснования естественно-правовых идей свободы, равенства, справедливости. Эти идеи претерпевают и содержательную трансформацию, особенно в естественно-правовых концепциях социальной справедливости.

Таким образом, во-первых, очевидна преемственность естественно-правовых концепций в рамках единой традиции юснатурализма. Во-вторых, эта преемственность носит инновационный характер. Эволюция юснатурализма наглядно демонстрирует тот факт, что постклассическая эпистемология «не отрицает научную рациональность..., но пересматривает её, например, как коммуникативную или диалогическую» [13, с. 13]. Признание динамизма права, актуализации права в правосудии – в творческой деятельности судейского корпуса, вновь и вновь проблематизирует идею определённости в правопознании, но уже на новой, человекоцентристской методологической и теоретической основе.

Список литературы

1. Алекси Р. Между позитивизмом и непозитивизмом? Третий ответ Евгению Булыгину / Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права. – Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2016. – С. 41–428.
2. Алекси Р. Существование прав человека // Правоведение. – 2011. – № 4. – С. 21–31.
3. Джохадзе Д. В. Античный диалог и диалектика // Философия и общество. – 2012. – № 2. – С. 23–45.
4. Кауфманн А. Онтологическая структура права // Российский ежегодник теории права. – 2008. – № 1. – С. 151–174.
5. Ломакина И. Б. Постижение правовой действительности: от научной традиции к символическому универсуму // Российский журнал правовых исследований. – 2019. – № 3 (20). – С. 23–29.
6. Максимов С. И. Правовая реальность: опыт философского осмысления : монография. – Харьков: Право, 2002. – 327 с.
7. Музьяков С. И. Античный скептицизм и современная философия науки: диалог сквозь тысячелетия // Общество: философия, история, культура. – 2015. – № 3. – С. 8–16.
8. Поппер К. Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. – Москва: ООО «Изд. АСТ», ЗАО НПЛ «Ермак», 2004. – 640 с.
9. Ролз Дж. Теория справедливости / науч. ред. В.В. Целищев. – Новосибирск: Изд. Новосибирского ун-та, 1995. – 507 с.
10. Талеб Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / 2-е изд., доп. / пер. с англ. – Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. – 736 с.
11. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – Санкт-Петербург: Наука, 2001. – 320 с.
12. Хабермас Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // Вопросы философии. – 2012. – № 2. – С. 66–80.
13. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. – Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2012. – 650 с.

References

1. Aleksii R. Mezhdru pozitivizmom i nepozitivizmom? Tretiy otvet Yevgeniyu Bulyginu / Bulygin Ye.V. Izbrannyye raboty po teorii i filosofii prava. – Sankt-Peterburg: Alef-Press, 2016. – S. 41–428.
2. Aleksii R. Sushchestvovaniye prav cheloveka // Pravovedeniye. – 2011. – № 4. – S. 21–31.
3. Dzhokhadze D. V. Antichnyy dialog i dialektika // Filosofiya i obshchestvo, – 2012. – № 2. – S. 23–45.
4. Kaufmann A. Ontologicheskaya struktura prava // Rossiyskiy yezhegodnik teorii prava. – 2008. – № 1. – S. 151–174.
5. Lomakina I. B. Postizheniye pravovoy deystvitel'nosti: ot nauchnoy traditsii k simvolicheskomu universumu // Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy. – 2019. – № 3 (20). – S. 23–29.
6. Maksimov S. I. Pravovaya real'nost': opyt filosofskogo osmysleniya: monografiya. – Khar'kov: Pravo, 2002. – 327 s.
7. Muzyakov S. I. Antichnyy skeptitsizm i sovremennaya filosofiya nauki: dialog skvoz' tysyacheletiya // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. – 2015. – № 3. – S. 8–16.
8. Popper K. R. Predpolozheniya i oproverzheniya: Rost nauchnogo znaniya. – Moskva: ООО «Изд. АСТ», ЗАО НПЛ «Ермак», 2004. – 640 s.
9. Rolz Dzh. Teoriya spravedlivosti / nauch. red. V.V. Tselishchev. – Novosibirsk: Izd. Novosibirskogo un-ta, 1995. – 507 s.
10. Taleb N. N. Chernyy lebed'. Pod znakom nepredskazuyemosti / 2-ye izd., dop. / per. s angl. – Moskva: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2020. – 736 s.
11. Khabermas Yu. Moral'noye soznaniye i kommunikativnoye deystviye. – Sankt-Peterburg: Nauka, 2001. – 320 s.
12. Khabermas Yu. Kontsept chelovecheskogo dostoinstva i realisticheskaya utopiya prav cheloveka // Voprosy filosofii. – 2012. – № 2. – S.66–80.
13. Chestnov I. L. Postklassicheskaya teoriya prava. – Sankt-Peterburg: Alef-Press, 2012. – 650 s.

© Луковская Д. И., Ломакина И. Б., 2020

Статья поступила в редакцию 30.06.2000 г.